

18 июля 1991 г. "Калининградская правда"

Они не хотят умирать - черепичные крыши старого города. То вдруг взрежут острыми ребрами полотно блеклого неба, то украдкой выглянут из-за плеча цветущего каштана, то щербато скосятся на блочных соседей, то чешуйчатой вязью прошьют строчки окраинных улиц... Для многих из тех, кто впервые увидел Калининград в руинах, образ того города навсегда въелся в память. Особенно в память детскую. Черепичные крыши остались едва ли не единственным знаком, опознавательной приметой тех лет.

С новой силой почувствовала я это на персональной выставке калининградского художника Олега Пьянова. Его трудно назвать автором одной темы или одного жанра. По мере сил он отдает творческую дань и труду рыбаков, и лирическому пейзажу, и аллегорическим композициям. Но его "форте" я увидела в щемящей ностальгии по детству, бедовому детству среди бедовых обитателей городской окраины. Не российской, но уже и не немецкой, где тени прошлого причудливо смешались, как на графическом листе. "А было мне в ту пору шесть лет". Старая российская керосинка и неловкий немецкий умывальник-рюмочка, фанерная "пирамидка" со звездой и опрокинутые кресты, иссохшие женщины и пьющие мужчины...

Это они, новоселы-переселенцы, весело позируют перед объективом трофейного фотоаппарата на другом листе художника - "Новый дом". Новый? В те сороковые - послевоенные - всего-навсего подлатанный старый. Набитый жильцами под самую завязку. Но теснота для людей, получивших свою крышу над головой, пока не обида. Они счастливы. Пока.

Но, кажется, я задалась неблагоприятным делом - толкованием работ, судить о которых с сюжетной стороны, - значит только обеднять смысл. Надо почувствовать вкус штриха, линии, пятна, чтобы проникнуться настроением, водившим рукой художника. Хотя, к сожалению, сам автор не всегда умеет остановить себя. Сохранить загадочную недоговоренность, которая и составляет магическую силу наиболее привлекательных его работ. Прямолинейные метафоры "Нового района", "Ностальгии", "Чернобыля", некоторых других его вещей оставят, пожалуй, глухим сердце зрителя, пресыщенного эстетикой соцреализма. Пусть, как тут, и вывернутого наизнанку. Но, возможно, они найдут путь к воображению доверчивому, жаждущему однозначности впечатлений.

Выдержать до конца свою особую ноту всегда нелегко. Старые черепичные крыши - они стали камертоном художника. Их волнующий ритм затягивает. Их уже отыскиваешь на холсте или на бумаге, узнаешь "в лицо".

Свежуют кабанчика в рыбацком поселке. Как уютно, домовито прижился этот старый, крытый черепицей сарай к новым добрым хозяевам. Парочки "обживаются" летней ночкой на крохотном пирсе. Жизнь повторяет свой извечный круг на глазах этих маленьких островерхих домишек, выпускающих которое уже поколение из своих теплых, хоть и заскорузлых ладоней. Любимая улица художника, чудом не прореженная ни войной, ни временем, прячется за поворотом. Куда и откуда ведет она? Какие тайны хранят эти стены, эти окна, эти кровли "нетиповой" выделки?

Так стоило ли потратить столько сил в тщетной попытке, чтобы доказать - не было у этого края истории до нас? Мы и сами не заметили, что срослись с ней, приняли и впустили ее в себя, как она впустила и приняла нас. О.Пьянов - один из тех, кто, кажется, почувствовал это. Он исполнил свое соло на черепичных крышах, русский человек, выросший на бывшей немецкой земле. Услышит ли его зритель? Ведь, настроившись на эту волну, он сможет что-то понять и в самом себе, особенном жителе особенного края.

Н. БОРОВСКАЯ